

Роберт Стивенсон

Дьявольская бутылка

Вечерние беседы на острове

Роберт Льюис Стивенсон

Дьявольская бутылка

«Public Domain»

1891

Стивенсон Р.

Дьявольская бутылка / Р. Стивенсон — «Public Domain»,
1891 — (Вечерние беседы на острове)

«На острове Гавайя жил некий человек. Он, по правде сказать, жив до сих пор, но имя его должно остаться тайной. Я назову его Кивом, потому что он родился неподалеку от Гонау-нау, где покоятся в пещере кости Кива Великого. Кив был человек бедный, честный, деятельный, читал как школьный учитель, и, кроме того, был первоклассным моряком. Некоторое время он ездил на островных пароходах и управлял китоловным судном на берегу Хамакуа...»

Содержание

Роберт Стивенсон

Дьявольская бутылка

* * *

На острове Гавайя жил некий человек. Он, по правде сказать, жив до сих пор, но имя его должно остаться тайной. Я назову его Кивом, потому что он родился неподалеку от Гонау-нау, где покоятся в пещере кости Кива Великого. Кив был человек бедный, честный, деятельный, читал как школьный учитель, и, кроме того, был первоклассным моряком. Некоторое время он ездил на островных пароходах и управлял китоловным судном на берегу Хамакуа.

Пришла Киву на ум мысль повидать свет, чужеземные города, и он сел на пароход, отправляющийся в Сан-Франциско.

Город это чудесный, с отличной гаванью и с бесчисленным множеством богачей. Есть там в особенности один холм, сплошь застроенный дворцами. На этот самый холм пошел однажды Кив с полным карманом денег. С восторгом осматривал он стоящие по обе стороны большие дома. «Дома-то какие чудесные! – думал он. – Как должны быть счастливы люди, живущие в них без забот о завтрашнем дне».

С этой мыслью проходил он мимо одного дома меньше остальных, но прелестного как игрушка. Лестница блестела как серебро, решетка сада напоминала цветочную гирлянду, окна сияли, словно бриллианты. Кив остановился и залюбовался совершенством того, что увидел. Остановившись, он заметил человека, смотревшего на него из окна настолько светлого, что Кив видел его так ясно, как вы увидели бы рыбу в луже у камня.

На вид это был пожилой человек, лысый и чернобровый. Выражение лица его было печально, и он тяжело вздыхал. Глядя друг на друга, они, по правде сказать, завидовали один другому.

Вдруг пожилой господин улыбнулся, знаками пригласил Кива войти и встретил его у порога двери.

– Дом мой очень хорош. Не желаете ли осмотреть комнаты? – спросил он с тяжелым вздохом.

Он провел Кива по всему дому, начиная с погреба и кончая чердаком. Все было в своем роде совершенством, и Кив все время удивлялся.

– Дом действительно прекрасный, – сказал Кив. – Кабы я жил в таком доме, так я бы целый день смеялся. Отчего же вы все вздыхаете?

– Нет причин, чтобы и вы не могли приобрести себе такой же дом, если не лучше. Стоит захотеть. У вас, вероятно, есть сколько-нибудь денег? – спросил хозяин.

– Пятьдесят долларов имею, – ответил Кив. – Но такой дом стоит дороже пятидесяти долларов.

Человек сделал какое-то вычисление.

– Жаль, что у вас нет большей суммы, – сказал он, – потому что это может доставить вам много хлопот в будущем; но он может быть вашим и за пятьдесят долларов.

– Дом? – спросил Кив.

– Нет, не дом, а бутылка, – возразил человек. – Надо вам сказать, что хотя я кажусь вам богатым и счастливым, все мое состояние, и этот дом, и этот сад вышли из бутылочки немногим больше пинты. Вот она.

Он вынул из запертого на замок помещения пузатую бутылку с длинным горлышком, молочно-белого стекла с радужными переливами на гранях. Внутри двигалась какая-то темная тень и огонь.

– Вот эта бутылка, – сказал человек. Когда Кив засмеялся, он спросил: – Вы мне не верите? – и добавил: – Ну, испытайте ее сами. Попробуйте разбить ее.

Кив поднял бутылку и бросил ее со всех сил об пол. Она подпрыгнула как мяч, и осталась невредимой.

– Странная штука, – заметил Кив. – На ощупь и на вид бутылка должна быть стеклянной.

– Она стеклянная и есть, – возразил человек, вздыхая тяжелее обычного, – но стекло-то закалено в пламени ада. В ней живет дьяволенок; это и есть та тень, которая в ней движется, как я предполагаю. Человек, покупая бутылку, получает в свое распоряжение дьяволенка и все, что он ни пожелает – любовь, слава, деньги, такие дома, как этот, или такой город, все получает он при произнесенном слове. Эта бутылка была у Наполеона, и с ее помощью он стал властителем мира, но он продал ее под конец и пал. У капитана Кука была эта бутылка, и с ее помощью нашел он дорогу к стольким островам, но он тоже продал ее, и был убит на острове Гавайя, потому что с продажей ее лишаешься и власти, и покровительства, и если человек не довольствуется тем, что имеет, с ним случается несчастье.

– Однако и вы желаете продать ее, – заметил Кив.

– Я получил все, что хотел, притом я уже стар, – ответил хозяин. – Одного не в состоянии сделать дьяволенок, а именно – продлить жизнь, а бутылка эта (утаить от вас было бы нечестно) имеет неприятную сторону: человек, не успевший продать ее до своей смерти, осужден гореть в аду.

– Сторона действительно неприятная! – воскликнул Кив. – Я с подобною бутылкою связываться не желаю. Без дома, слава Богу, обойтись могу, но с такой шуткой, как осуждение на вечные муки, я дела иметь не желаю!

– Бежать вам от нее незачем, – сказал хозяин. – Вы можете благоразумно воспользоваться могуществом дьявола, а затем перепродать ее кому-нибудь, как я продаю вам, и закончить свои дни среди богатства и комфорта.

– Я заметил две вещи, – сказал Кив. – Вы, во-первых, все время вздыхаете, как влюбленная девушка, а во-вторых, продаете бутылку очень дешево.

– Я уже объяснял вам причину, почему я вздыхаю, – возразил хозяин. – Я вздыхаю потому, что боюсь, что здоровье мое начинает слабеть, а умереть и отправиться к черту никому не хочется, как вы сказали. А почему я продаю ее дешево, так это надо вам объяснить. В этой бутылке есть одна особенность. Давным-давно, когда дьявол впервые принес ее на землю, она была страшно дорога и в первый раз была продана некоему Престеру-Джону¹ за несколько миллионов долларов, но ее вовсе не продашь, если не продать с убытком; если вы продадите ее за ту же цену, какую сами заплатили за нее, она вернется к вам обратно как домашний голубь. Из этого следует, что цена ее с веками все падала, и теперь она стала удивительно дешевой. Я сам купил ее на этом холме у своего соседа за девяносто долларов. Продать же мог бы за восемьдесят девять долларов, девяносто девять центов и ни одним пенни дороже, иначе она снова вернулась бы ко мне. Тут были два затруднения: во-первых, когда вы предлагаете такую удивительную бутылку за какие-нибудь восемьдесят долларов, люди предполагают, что вы шутите; а во-вторых... Впрочем, относительно этого спешить нечего и входить в это мне не стоит. Помните только, что продается она за звонкую монету.

– Как мне убедиться, что это правда? – спросил Кив.

– Можете сейчас же проверить на опыте, – ответил хозяин. – Дайте сюда ваши пятьдесят долларов, возьмите бутылку и пожелайте, чтоб эти пятьдесят долларов очутились снова в вашем кармане. Даю вам честное слово вернуть вам деньги, если этого не случится.

– Вы меня не обманываете? – спросил Кив.

¹ Пресвитер Иоанн. Легендарная личность средневековых сказаний о царе-пресвитере, главе могущественного христианского государства, затерянного где-то в Средней Азии (прим. перев.).

Хозяин поклялся.

– В таком случае рискну, – сказал Кив. – Беды от этого не будет.

Он отдал деньги человеку, а тот вручил ему дьявольскую бутылку.

– Дьяволенок, – сказал Кив, – я желаю получить обратно свои пятьдесят долларов.

Только он успел сказать это, как карман его стал тяжел по-прежнему.

– Чудесная однако бутылка! – сказал Кив.

– А теперь прощайте, мой красавчик! Дьявол пойдет теперь с вами вместо меня, – сказал человек.

– Подождите, – сказал Кив. – Я не желаю больше шуток. Берите назад вашу бутылку.

– Вы купили ее за меньшую цену, чем я дал за нее, – возразил человек, потирая руки. – Теперь она ваша, а я, со своей стороны, озабочен только тем, чтобы увидеть поскорее вашу спину!

С этими словами он позвал своего лакея-китайца и выгнал Кива из дома.

Очувтившись на улице с бутылкою в руках, Кив задумался.

«Если все относительно этой бутылки правда, я сделал выгодную покупку, – думал он. – А может быть, этот человек просто одурачил меня».

Прежде всего он сосчитал свои деньги. Сумма оказалась точною: сорок девять долларов американской монетой и один доллар чилийский. «Похоже на правду, – подумал Кив. – Попробую еще!».

Улицы в этой части города были чисты как корабельная палуба, и прохожих, несмотря на полдень, не было ни души. Кив поставил бутылку в желоб и отошел. Два раза он оглядывался и видел, что молочно-белая, пузатая бутылка стоит там, где он ее поставил. В третий раз он оглянулся и повернул за угол. Не успел он это сделать, как что-то стукнуло его по локтю и... – смотрите! – это оказалось длинное горлышко бутылки, а круглое пузо ее прижалось в кармане его мокрого сюртука.

– И это похоже на правду! – сказал Кив.

Вслед за этим он купил в лавке штопор и ушел с ним в поле. Там он пробовал вытащить пробку, но как только ввинтит штопор, он выскочит, а пробка по-прежнему цела.

– Новый сорт пробки, – сказал Кив и начал дрожать и обливаться потом, испуганный бутылкою.

На обратном пути к гавани он увидел лавку, где какой-то человек продавал раковины, палицы дикарей-островитян, древние языческие божества, старинные монеты, картины из Китая и Японии и всевозможные вещи, привозимые моряками в корабельных сундуках. Тут ему пришла в голову мысль войти и предложить бутылку за сто долларов.

Лавочник сначала засмеялся над ним и предложил ему пять долларов; но бутылка действительно была интересная – такого стекла не выдували ни на одном из заводов; такие красивые получались отливы под молочно-белым цветом и так странно двигалась в ней тень, что купец, поторговавшись с Кивом, как водится, заплатил ему за вещь шестьдесят долларов и поставил ее на полку посреди окна.

– Вот я продал за шестьдесят долларов вещь, которую сам купил за пятьдесят, даже немногим меньше, по правде сказать, потому что один из долларов был чилийский. Теперь узнаю правду относительно второго пункта, – сказал Кив.

Он вернулся на палубу своего корабля и, открыв свой ящик, увидел в нем бутылку, явившуюся раньше его самого. У Кива был на корабле товарищ по имени Лопака.

– Что с тобой, что ты так уставился на ящик? – спросил Лопака.

Они были одни на баке корабля, и Кив под секретом рассказал ему все.

– Дело очень странное, – сказал Лопака, – и я боюсь, что эта бутылка наделает тебе много хлопот. Ясно одно, что тебе лучше всего извлечь теперь выгоду из своей покупки. Реши, что

тебе от нее нужно, прикажи, и если твое желание исполнится, я сам куплю бутылку, так как мне хочется обзавестись собственной шхуной и заняться торговлей на островах.

– У меня другое на уме, – возразил Кив. – Мне хотелось бы иметь прекрасный дом с садом на берегу Кона, где я родился. Чтобы он был на солнце, с цветами в саду, со стеклами в окнах, с картинами на стенах, с игрушками и красивыми скатертями на столах, словом, такой, в каком я был сегодня, только этажом выше и с балконами вокруг, как королевский дворец, и буду я жить там беззаботно и веселиться с друзьями и родными.

– Свезем ее с собой в Гавайю, – сказал Лопака. – Если все это правда, как ты предполагаешь, я куплю бутылку, как оказал, и спрошу у нее шхуну.

На этом они и порешили. Вскоре после того корабль вернулся на Гонолулу, привезя с собою Кива, Лопака и бутылку. Только они успели выйти на берег, как встретили одного приятеля, который сразу начал высказывать Киву свое соболезнование.

– Не знаю, в чем вы соболезнаете мне, – сказал Кив.

– Неужели вы не слышали? Ваш дядя, этот добрый старичок умер, а ваш двоюродный брат, этот красавчик, утонул в море, – сказал приятель.

Кив был ужасно огорчен, заплакал, застонал и забыл про бутылку, но Лопака думал про себя и, когда жалобы Кива поутихли, сказал:

– Не было ли у твоего дяди земли на Гавайе в округе Кеу?

– В Кеу нет, – ответил Кив. – У него имение в нагорной стороне, несколько южнее Гукена.

– И это имение перейдет к тебе? – спросил Лопака.

– Да, – ответил Кив и снова заплакал о своих родственниках.

– Не плачь, – сказал Лопака. – У меня есть мысль на уме. Что, если это дело бутылки? Ведь это как раз место для твоего дома?

– Если это так, то это прекрасный способ служить мне, убивая моих родственников! – воскликнул Кив. – Но это действительно может случиться, потому что я мысленно видел именно это место.

– Но дом-то ведь еще не построен, – сказал Лопака.

– Ничего подобного! – ответил Кив. – Хотя у дяди были плантации кофе, бананов, но не больше того, что требуется для комфорта. Остальная же земля – черная лава.

– Пойдем к нотариусу, – сказал Лопака. – У меня все еще эта мысль на уме.

Когда они пришли к нотариусу, оказалось, что дядя Кива чудовищно разбогател за последние дни и оставил большой капитал.

– Вот и деньги на дом! – воскликнул Лопака.

– Если вы думаете о новом доме, – сказал нотариус, – то у меня есть карточка нового архитектора, о котором я слышал много хорошего.

– Все лучше и лучше! – сказал Лопака. – Теперь все для нас совершенно ясно. Будем продолжать.

И они отправились к архитектору и нашли у него на столе рисунки и чертежи домов.

– Желаете что-нибудь в этом роде? – спросил архитектор. Как вам нравится вот этот? – передал он рисунок Киву.

Взглянув на рисунок, Кив вскрикнул, потому что он оказался точным воспроизведением его мысленного рисунка.

«Я выбираю этот дом, – подумал он. – Хоть мне и не особенно нравится тот способ, каким он мне достался, но наряду с дурным я могу принять и хорошее».

Он рассказал архитектору, чего он хочет, как бы ему хотелось обставить дом, и насчет картин на стенах, и насчет безделушек на столах, а затем просил архитектора сказать откровенно, сколько он возьмет с него за все дело.

Архитектор задал несколько вопросов, взял перо, сделал вычисления и назначил как раз ту сумму, какая досталась Киву по наследству. Лопака и Кив перемигнулись.

«Так или иначе, придется мне иметь такой дом, это ясно, – думал Кив. – Он получится от дьявола, и боюсь, что для меня будет тут мало хорошего. Я уверен только в том, что никаких желаний больше иметь не буду, пока эта бутылка находится у меня. Домом этим меня навьючили, и придется взять добро вместе со злом».

Итак, оба они с архитектором составили и подписали договор. Лопака и Кив сели на корабль и поплыли в Австралию, потому что они решили ни во что не вмешиваться и предоставить архитектору и бутылке строить и украшать дом в свое удовольствие.

Путешествие было приятным, только Кив все время сдерживался, так как поклялся не высказывать больше желаний и не принимать больше милостей от дьявола. Через некоторое время они вернулись. Архитектор сообщил им, что дом готов, и Лопака с Кивом отправились туда, осмотрели дом и увидели, что все устроено почти так, как задумал Кив.

Дом стоял на горе, которая была видна с моря. Наверху поднимался лес до дождевых облаков, внизу стекала черная лава в ущелья, где были похоронены прежние короли. Дом был окружен садом со множеством разнообразных цветов; по одну сторону был сад с дынными деревьями, по другую – фруктовый сад, а впереди, со стороны моря, поставлена была мачта, на которой развевался флаг. Дом был трехэтажный с балконами на каждом этаже. Окна были стеклянные, чистые как вода, и светлые как день. Комнаты были убраны всевозможной мебелью. По стенам висели картины в золотых рамах, картины кораблей, сражений, самых красивых женщин и оригинальных местностей. Нигде в мире не было таких блестящих красок, как на картинах, висевших в доме Кива. Что касается безделушек, они все были удивительно красивы: часы с боем, музыкальные ящики, человечки с кивающими головами, книжки с картинками, дорогое оружие всех стран света и самые изящные вещицы, служащие для развлечения одинокого человека в часы досуга. Так как никому не может нравиться жить в таких палатах только ради того, чтобы расхаживать по ним одному, да любоваться ими, то были устроены балконы таких размеров, что на них мог поместиться весь город. Кив не знал, которому балкону отдать предпочтение – тому ли, который выходил в сад и цветник и где дул береговой ветер, или выходящему на море балкону, где упиваешься морским воздухом, смотришь на обрыв, откуда видишь пароход, делающий рейс между Гукена и Пилем или шхуны, подходящие к берегу за дровами и за бананами.

Осмотрев дом, Кив и Лопака сели у портика.

– Ну, что? Все вышло так, как ты хотел? – спросил Лопака.

– Слов не хватает! Все гораздо лучше, чем я мечтал, и я пресыщен удовлетворением.

– Нужно принять в соображение одно, – заметил Лопака, – все это могло выйти совсем естественно, и дьявольская бутылка тут ровно непричем. Если я куплю бутылку, и в конце концов не получу шхуны, то, значит, даром суну руку в огонь. Я дал тебе слово, я знаю, но думаю, что ты не откажешься дать мне еще одно доказательство.

– Я поклялся не принимать больше милостей, – возразил Кив. – И так уж залез глубоко.

– Я думаю не о милостях, а просто хочу сам видеть бутылку, – сказал Лопака. – Этим ничего не выгадаешь, стало быть и стыдиться нечего; однако я убежден, что, увидя, я узнаю наверное все дело, и потому прошу тебя, покажи мне бутылку, и я куплю ее. Вот и деньги в руке.

– Я боюсь одного, – сказал Кив. – Дьяволенок может оказаться таким безобразным, что ты, взглянув на него, можешь не пожелать бутылки.

– Я держу данное слово, – сказал Лопака. – Вот деньги.

– Отлично, – возразил Кив. – Мне и самому любопытно. Позвольте нам взглянуть на вас, господин дьяволенок!

Как только это было сказано, дьяволенок вылез из бутылки и снова влез в нее быстро как ящерица. Кив и Лопака сидели как окаменелые. Ночь наступила раньше, чем они могли найти мысль и голос для выражения ее. Затем Лопака передал деньги и взял бутылку.

– Я умею держать слово, – сказал он, – и должен сдержать его, а не то я и ногой не прикоснулся бы к этой бутылке. Добуду себе шхуну, доллара два карманных денег, а затем по возможности скорее отделаюсь от бутылки, потому что, по правде сказать, вид чертенка подействовал на меня убийственно.

– Лопака, не думай обо мне очень дурно, – сказал Кив. – Я знаю, что теперь ночь, что дороги скверные, что кладбище плохое место для такого позднего часа, но с той поры, как я увидел эту рожу, я не в состоянии ни есть, ни спать, ни молиться, пока ее не возьмут от меня. Я дам тебе фонарь, корзиночку для бутылки и какую хочешь картину или другую прекрасную вещь, какая тебе приглянется, только уходи ночевать к Нэину в Гукену.

– Многие дурно отнеслись бы к этому, – сказал Лопака, – особенно после того, что я поступил с тобой по-приятельски, сдержал слово и купил бутылку; кроме того, и ночь, и темнота, и могилы в десять раз опаснее для человека с таким грехом на совести и с такой бутылкой в руках, но я так напуган сам, что у меня не хватает духа бранить тебя. Я уйду и буду молиться Богу, чтобы ты был счастлив со своим домом, а я со шхуною, и чтобы в конце концов мы оба попали в рай, вопреки дьяволу и его бутылке.

Лопака спустился с горы, а Кив стоял на фронтальном балконе, слушал стук лошадиных копыт, наблюдал за светом фонаря на дороге, смотрел на ущелье с пещерами, где были похоронены покойники, и все время дрожал, складывал руки, молился за своего друга и благодарил Бога, что сам избавился от тревог.

Но следующий день был такой ясный, и дом его представлял такое прекрасное зрелище, что он забыл свои ужасы. День шел за днем, и Кив жил в полной радости. Он избрал себе заднюю половину дома, там он и ел, и жил, и читал рассказы в газетах Гонолулу, а когда кто-нибудь заходил к нему, он показывал комнаты и картины. Слава о нем разнеслась повсюду. Его называли во всем Конне «Ка-Халэ-Нуи», то есть самый знатный дом, а иногда называли «Блестящим Домом», потому что Кив нанял слугу-китайца, который целыми днями все мыл и чистил, почему и зеркала, и позолота, и красивые ковры, и картины блестели как утро. Кив не мог ходить по дому без песен, так весело было у него на душе, а когда мимо проходили корабли, ему ужасно хотелось, чтобы оттуда видели, как развевается на его флагштоке флаг.

Так он жил до тех пор, пока не поехал однажды в Кейлуа к одному из своих приятелей. Его там отлично угостили; но он уехал оттуда очень рано утром, потому что его раздражало нетерпение видеть свой прекрасный дом и, кроме того, наступающая ночь была именно той ночью, когда давно умершие бродят по Конне, и он, уже имевший сношения с дьяволом, тем более остерегался встречи с покойниками. Немного дальше Гонауна он увидел женщину, купавшуюся у берега моря. Она казалась взрослой девушкой, но он об этом не думал. Он видел, как развевалась ее белая сорочка, как она надела ее, потом красное холоку². К тому времени, когда он подошел к ней, она уже успела закончить свой туалет и стояла на берегу в своем красном холоку, освеженная купаньем, со светившимися добротой глазами. Кив, увидя ее, опустил повод.

– Я думал, что всех знаю в этой местности, – сказал он. – Как же это вышло, что вас я не знаю?

– Я Кокуа, дочь Кьяно, – сказала девушка, – и только что вернулась из Оагу. – А вы кто?

– Я вам скажу, кто я, но не теперь, а немного погодя, – ответил Кив, слезая с лошади. – Я задумал кое-что, а если вы узнаете, кто я, вы, может быть, слышали обо мне и не ответите мне правды. Прежде всего скажите мне: вы замужем?

Кокуа на это громко расхохоталась.

– Вы предлагаете вопросы, а сами-то вы женаты? – спросила она.

² Короткая юбка.

– Не женат, Кокуа, и до настоящего часа даже не думал о женитьбе, – ответил Кив. – Я вам скажу сущую правду. Встретил я вас здесь на дороге, увидел ваши глаза, похожие на звезды, и сердце мое полетело к вам как птичка. Если я вам не нравлюсь, так и скажите, и я поеду к себе домой, если же вы находите меня не хуже других молодых людей, я вернусь с вами в дом вашего отца, переночую, а завтра поговорю с добрым человеком.

Кокуа не сказала ни слова, только взглянула на море и засмеялась.

– Вы молчите, Кокуа, я принимаю это за благоприятный ответ, – сказал Кив. – В таком случае отправимся в дом вашего отца.

Она молча пошла вперед, иногда оглядываясь назад и держа во рту завязки своей шляпы.

Когда они подошли к дому, Кьяно вышел на веранду и радостно приветствовал Кива, назвав его по имени. При этом молодая девушка взглянула на него мельком. Слава о доме достигла до ее ушей, и, разумеется, это было большим соблазном для нее. Они весело провели вечер. Девушка держала себя свободно на глазах у родителей и посмеивалась над Кивом – она была одарена остроумием. На другой день тот переговорил с Кьяно и узнал, что девушка одна.

– Вы вчера весь вечер смеялись надо мной, Кокуа, – сказал он. – Теперь пора приказать мне удалиться. Вчера я не хотел сказать свое имя потому, что, обладая таким красивым домом, боялся, что вы будете слишком много думать о доме и слишком мало о полюбившем вас человеке. Теперь вам все известно, и если вы хотите видеть меня в последний раз, так и скажите сразу.

– Нет, – сказала Кокуа.

На этот раз она не засмеялась, и Кив не стал больше спрашивать.

Так произошло сватовство Кива. Сделалось все быстро; но стрела и пуля летят еще быстрее, однако и та и другая могут попасть в цель. Дело шло быстро и зашло так далеко, что мысль о Киве не выходила из головы девушки. Ей слышался его голос даже в прибое волн, и для этого молодого человека, которого она видела всего-навсего два раза, она готова была оставить и отца, и мать, и родные острова. Что касается Кива, то лошадь его взлетела по горной тропинке под скалою могил, и звуки ее копыт, и звук песни распеваемой Кивом для собственного удовольствия, отдавались в пещерах мертвецов. С песней подъехал он к блестящему дому. Он сел кушать на большом балконе, и китаец удивился, что его хозяин поет между глотками. Солнце опустилось в море, и наступила ночь, а Кив разгуливал по балконам при свете ламп и пением своим поражал людей, находившихся на кораблях.

– Я достиг высшего предела счастья, – сказал он сам себе. – Лучше этой жизни быть не может! Это вершина горы. Около меня все склоняется к лучшему. Велю осветить комнаты и в первый раз выкупаюсь в своей прекрасной ванне с горячею и холодною водою, а потом лягу спать на кровати моей брачной комнаты.

Он отдал приказание китаецу. Тому пришлось встать, затопить печи. Работая внизу у паровых котлов, он слышал, как радостно распевал его господин в освещенных комнатах.

Когда вода нагрелась, китаец позвал Кива, и тот вошел в ванную комнату. И китаец слышал, как он пел, наполняя мраморный бассейн, пел, пока раздевался, и вдруг пенье прекратилось.

Китаец слушал, слушал, потом поднялся вверх к Киву спросить, все ли благополучно. Кив ответил «да» и приказал ему ложиться. Пенья больше в блестящем доме не было, и всю ночь китаец слышал, как хозяин его ходил без отдыха по балконам.

Дело то, по правде сказать, заключалось в том, что Кив, раздевшись, заметил на своем теле лишай, похожий на заплату на сюртуке. Тогда-то он и перестал петь, потому что ему была знакома такая заплата, и он знал, что заболел китайской болезнью – проказой.

Каждому ужасно было бы заболеть такой болезнью и грустно было бы покинуть такой прекрасный удобный дом и уехать от друзей на северный берег Молокая к утесам и прибоям.

А каково было Киву, который вчера только встретил свою возлюбленную, сегодня получил ее согласие и вдруг увидел, что все его надежды разбились, как какая-нибудь стеклянная вещь?

Он сначала присел на край ванны, затем вскрикнул, вскочил и, выбежав на балкон, стал бегать взад и вперед как сумасшедший.

– Я охотно оставил бы Гавайю, родину моих предков, – думал Кив. – Оставил бы и свой дом на горе и смело поехал бы в Молокай к обрывам Калаупапа, жил бы там с прокаженными, и умер бы вдали от отцов моих. Но что я сделал дурного, какой грех лежит на моей душе, что я встретил Кокуа, освежавшуюся вечером морской водою? О, Кокуа, души обольстительница! Свет жизни моей! Не жениться мне на ней! Не видать мне ее больше. Не обнимать мне ее любящей рукой. Об этом только, о тебе, о, Кокуа, изливаю я свои жалобы.

Вы понимаете теперь, какого сорта человек был Кив. Он мог жить в своем доме долгие годы, и никто не узнал бы о его болезни. Но для него это значения не имело, если он должен был лишиться Кокуа. Опять-таки он мог бы даже в таком виде жениться на Кокуа, и многие сделали бы это, потому что у них душа кабанья; но Кив любил девушку благородно и не хотел вредить ей и подвергать ее опасности.

Немного позже полуночи он вспомнил про бутылку. Он обошел дом и, подойдя к заднему портику, вспомнил тот день, когда дьяволенок выглянул из бутылки, и при этой мысли холод пробежал по его жилам.

– Страшная штука эта бутылка, – думал Кив, – и дьяволенок страшен, и ужасный риск попасть в ад, но какую еще надежду я могу иметь, чтобы излечить свою болезнь и жениться на Кокуа? Если я не испугался дьявола только ради приобретения дома, так неужто мне не поглядеть на него снова, чтобы получить Кокуа?.

Тут ему припомнилось, что завтра «Голл» зайдет сюда на обратном пути в Гонолулу.

– Я поеду сначала туда повидаться с Лопака, – подумал он. – Теперь у меня одна надежда разыскать эту самую бутылку, от которой я был так рад отделаться.

Он ни на секунду не заснул. Пища застревала в горле. Он написал письмо Кьяно, а сам к тому времени, когда должен был прийти пароход, поехал верхом около утеса могил. Лошадь шла шагом. Он поднял глаза на темные входы в пещеры и позавидовал умершим, которые спали там, покончив с тревогами. Вспомнив, как он скакал галопом здесь накануне, он удивился. Когда он спустился к Гукена, там уже собралось все население для встречи парохода. Все сидели под навесом перед магазином, болтали, шутили, передавали новости. Киву было не до разговоров, и он, сидя среди толпы, смотрел на дождь, поливающий дома, на прибой волн между скалами, и вздохи поднимались из его груди.

– Кив из «блестящего дома» не в духе сегодня, – говорили люди друг другу.

Он был действительно не в духе и неудивительно. Пришел «Голл», и вельбот доставил Кива на борт. Задняя часть кормы была переполнена гаолами (белыми), посещавшими, как у них принято, вулкан; в средней части толпились канаки, а переднюю часть кормы заняли волы из Хило и лошади из Кеу. Кив сел особняком от всех и с грустью смотрел на дом Кьяно, стоявший внизу, среди темных скал, под сенью кокосовых пальм. Он следил за красным фолоку, казавшимся не больше мухи и двигавшимся взад и вперед вместе с порхающим существом. «О, царица сердца моего, – воскликнул он, – душою своею жертвую, чтобы владеть тобою!».

Вскоре стемнело. Каюты осветили, и гаолы по обыкновению сели играть в карты и пить виски; а Кив всю ночь проходил по палубе, и весь следующий день, когда они шли на парах с подветренной стороны Мауи или Молокая, он продолжал ходить как дикий зверь в клетке.

Под вечер они прошли мимо Бриллиантовой головы к дамбе Гонолулу. Кив вышел с толпой и стал расспрашивать про Лопака. Оказалось, он приобрел шхуну – лучшей не было на островах – и отправился чуть ли не в Пола-Пола или в Каики. Стало быть, разыскивать Лопака было бесполезно. Кив вспомнил об одном из его приятелей – городском нотариусе (имени его я

назвать не смею) и осведомился о нем. Ему сказали, что он неожиданно разбогател и приобрел себе прекрасный дом на берегу Ваикики. Это навело Кива на мысль; он крикнул извозчика и поехал к нотариусу.

Дом был новешенький, и деревья в саду не больше тросточек. Сам нотариус имел вид вполне довольного человека.

– Чем могу служить? – спросил он.

– Вы друг Лопака, – ответил Кив, – и, вероятно, можете навести меня на след одной штучки, купленной у меня Лопака.

Лицо нотариуса омрачилось.

– Не стану притворяться, что не так понял вас, мистер Кив, хотя не следовало бы впутываться в это скверное дело, – сказал нотариус. – Вы можете быть уверены, что я ничего не знаю, но догадываюсь и думаю, что вы получите сведения, если обратитесь вот куда.

Он назвал фамилию человека, которую опять-таки лучше не называть. В течение нескольких дней Кив ходил от одного к другому, находя повсюду новые костюмы, кареты, чудесные дома и довольных людей, лица которых однако омрачались при его намеке на дело.

– Несомненно я напал на след, – думал Кив. – Все эти платья, все эти кареты – дары дьяволенка, а веселые лица – именно лица людей, которые воспользовались благами и благополучно отделались от проклятой вещи. Как увижу бледные щеки да услышу вздохи, так и буду знать, что бутылка близка.

Таким образом, его направили к одному гаолу на Беританскую улицу. Он подошел к двери во время вечерней закуски и нашел обычные признаки нового дома: и молодой сад, и электрический свет в окнах; но когда вышел домовладелец, то дрожь надежды и страха пробежала по Киву, потому что он увидел молодого человека, бледного как смерть, облысевшего и с тем выражением, какое бывает у человека, осужденного на галеры. «Бутылка, наверно, здесь», – подумал Кив и сообщил молодому человеку цель своего посещения.

– Я пришел купить бутылку, – сказал он.

При этих словах молодой гаол Беританской улицы прислонился к стене.

– Бутылку? – пролепетал он. – Вы хотите купить бутылку? – Он точно задохнулся, схватил Кива за руку, притащил его в какую-то комнату и налил два стакана вина.

– Свидетельствую вам свое почтение, – сказал Кив, которому приходилось в свое время вращаться среди белых. – Да, я пришел купить у вас бутылку, – повторил он. – Какая ей цена в настоящее время?..

При этом вопросе стакан выскользнул из рук молодого человека. Он смотрел на Кива как привидение.

– Цена? – переспросил он. – Цена... Вам разве цена неизвестна?

– Потому-то именно я вас спрашиваю о ней, – возразил Кив. – Отчего вы так смутились? Или с ценою что-нибудь неладно?

– Она с вашего времени очень упала в цене, мистер Кив, – сказал, заикаясь, молодой человек.

– Хорошо, хорошо! У меня найдется мелкая монета, чтобы заплатить за нее, – возразил Кив. – Сколько она вам стоила?

– Два цента, – ответил молодой человек, бледный, как полотно.

– Как, два цента? – воскликнул Кив. – Значит, продать ее вы можете только за один цент, а тот, кто ее купит... – Слова замерли на языке Кива. Ему уже не придется продать ее, и бутылка с дьяволенком останется у него до самой смерти и после смерти потащит его в пекло ада.

Молодой человек с Беританской улицы упал перед ним на колени.

– Купите ее ради Бога! – воскликнул он. – Возьмите в придачу все мое состояние. Я был сумасшедшим, купившим ее за такую цену. Я растратил конторские деньги, и без этого погиб бы, пришлось бы идти на галеры.

– Бедное создание, вы рисковали душой ради такого отчаянного случая, во избежание наказания за личный позор, и думаете, что я могу колебаться, имея в виду любовь! Дайте мне бутылку и сдачу, которая у вас, наверно, найдется. Вот вам пять центов.

Кив не ошибся в своем предположении: сдача лежала готовою в комод. Бутылка перешла в другие руки, и Кив, прикоснувшись к ней пальцами, сейчас же выразил желание стать чистым человеком. По возвращении домой он прошел в свою комнату и, раздевшись перед зеркалом, убедился, что кожа у него стала, как у ребенка.

Тут случилась странная вещь: только он увидел это чудо, как настроение его изменилось, и он забыл думать и о проказе, и о Кокуа, и осталась у него только одна дума, что он на веки вечные связан с дьявольской бутылкой, и нет у него впереди ничего лучшего, как вечно быть угольным мусором в пламени ада. Мысленному взору его представлялось пламя, и сердце его сжалось, в глазах потемнело.

Когда Кив пришел немного в себя, он вспомнил, что в этот вечер в отеле играет оркестр. Он пошел туда, потому что боялся остаться один, и там, среди довольных лиц, он ходил взад и вперед, слушал музыку, смотрел, как Бергер отбивал такт, и продолжал все время слышать треск пламени и видел красный огонь, горевший на дне бездонной пропасти. Вдруг оркестр заиграл «Хи-ки-ао-ао», песню, которую он пел с Кокуа, и мужество вернулось к нему.

– Дело сделано, – подумал он. – Воспользуемся еще раз добром и злом.

Он с первым пароходом вернулся в Гавайю и, как только все устроилось, женился на Кокуа и перевез ее в «блестящий дом» на горе.

Стали они жить так: когда они бывают вместе, сердце Кива успокаивалось, но как только он оставался один, на него нападал ужас, и ему снова слышался треск пламени и виделся огонь в бездонной пропасти. Девушка всецело отдалась ему: сердце ее усиленно билось при виде его, и рука цеплялась за его руку. Она была так изящна от головы до кончиков ногтей, что все с удовольствием смотрели на нее. Характер у нее был премилый, и всегда было наготове ласковое слово. Она – это лучшее украшение всех трех этажей «блестящего дома» – ходила по комнатам, распевая как птичка; а Кив с восторгом смотрел на нее, слушал, а потом съезживался, плакал и ворчал при мысли о цене, которую он заплатил за нее. После этого ему приходилось вытереть глаза, вымыть себе лицо, идти к ней на балкон, присоединяться к ее пению и с болью в душе отвечать на ее улыбки.

Наконец настал день, когда она стала не так легка на ноги, и песни стали раздаваться реже. Теперь плакал уже не один Кив, а оба прятались друг от друга на противоположные балконы, разделенные всем пространством «блестящего дома». Кив был так погружен в свое отчаяние, что не замечал перемены и только радовался, что может больше времени сидеть один и думать о своей судьбе, и что не так часто приходится показывать улыбающуюся физиономию с болью на душе. Однажды, проходя по дому, он услышал рыдания и нашел Кокуа лежавшей ничком на балконе и плачущей, как потерянная.

– Ты хорошо делаешь, что плачешь в этом доме, Кокуа, – сказал он, – хотя я отдал бы голову на отсечение, чтобы ты была счастлива.

– Счастлива! – воскликнула она. – Когда ты жил один в своем «блестящем доме», ты слыл на острове за счастливого человека. Смех и песни были на твоих устах, и лицо твое было светло как солнце. Потом ты женился на бедной Кокуа, и – Бог знает чего ей не достает – с тех пор ты перестал улыбаться! – Она заплакала. – О, за что это! Я думала, что я хорошенькая! Я любила тебя! Чем могла я нагнать это облако на супруга моего?

– Бедняжка Кокуа, – сказал Кив, садясь рядом с нею и стараясь взять ее руку, которую она вырвала у него, – бедняжка Кокуа! – повторил он снова. – Бедное дитя мое! Милочка моя! Я все время думал о том, как бы пощадить тебя. Ну, хорошо! Ты все узнаешь и, быть может, пожалеешь Кива и поймешь, как горячо он любил тебя, если рисковал попасть в ад

за обладание тобою, и как несчастный осужденный до сих пор тебя любит, если в состоянии улыбаться при виде тебя!

И он рассказал ей всю историю с самого начала до конца.

– Ты это сделал ради меня? – воскликнула она. – Но ведь я-то тут ни при чем, – заплакала она, прижимаясь к нему.

– Ах, дитя! Да мне-то страшно, когда я подумаю об адском пламени!

– Не говори! Никто не может погибнуть за то, что любил Кокуа, не имея за собой другой вины. Послушай, Кив! Я спасу тебя этими руками или погибну вместе с тобою. Ты, любя меня, отдал свою душу и думаешь, что я взамен этого не пожелаю умереть, чтобы спасти тебя?

– Ах, дорогая моя, хоть сто раз умри, разницы никакой не будет! – воскликнул он. – Разве только оставишь меня тосковать до дня моего осуждения!..

– Ты ничего не знаешь, – возразила она. – Я не простая девушка, я воспитывалась в школе в Гонолулу и говорю, что спасу своего возлюбленного. Что ты говорил насчет цента? Но свет состоит не из одних американцев. В Англии есть монета, которую они называют фартинг, она равняется половине цента. Ах, какое горе! – воскликнула она. – Это не улучшает дела, потому что покупатель должен погибнуть, а нам не найти другого такого молодца, как мой Кив!.. Есть еще Франция. У них есть мелкая монета, называется она сантим, и их дают пять за цент или около того. Лучшего мы ничего сделать не можем. Поедем, Кив, на французские острова, поедем на Таити как можно скорее. У нас будет четыре сантима, три сантима, два сантима, один сантим, еще четыре продажи впереди, и мы оба можем вступать в переговоры. Ну, Кив, поцелуй меня и прогони тревогу, Кокуа защитит тебя.

– Дар Божий! – воскликнул он. – Подумать не могу, что Бог накажет меня за желание получить такое сокровище! Поступай как знаешь, вези меня куда хочешь! Вручаю тебе и свою жизнь, и свое спасение.

На следующее утро Кокуа занялась приготовлением, вытащила сундук Кива, который он брал в плавание, поставила в угол бутылку и уложила в него самые богатые костюмы и самые лучшие безделушки: «мы должны казаться богатыми, а то кто же поверит в бутылку?», – сказала она.

Во время приготовлений она была весела как птичка, и только, увидя Кива, готова была заплакать, и она подбегала к нему и целовала его. У Кива же тяжесть свалилась с души. С тех пор, как он поделился своей тайной и у него явился луч надежды впереди, он словно возродился, ноги носили его легко по земле, и дышать он стал свободнее. Но ужас не покинул его полностью, и по временам, при сильном ветре, надежда умирала в нем, и мерещился ему ад и геенна огненная.

По городу прошел слух, что они едут повеселиться в Штаты, это сочли очень странным, хотя менее странным, чем действительная причина, если бы только кто-нибудь догадывался о ней. Они отправились в Гонолулу на «Голле», оттуда на «Уматилла» в Сан-Франциско, затем на легком почтовом судне переправились к Папеете, главному французскому посту на южных островах. Они прибыли туда после приятного путешествия в ясный день муссона, видели и прибой волны, разбивающейся у рифа, и Мотуити с его пальмами, и отходившую шхуну, и белые дома на берегу, окруженные деревьями, а над ними горы и облака Таити – мудрого острова.

Благоразумнее всего было снять дом. Они так и поступили, поселившись против британского консульства, чтобы шикануть деньгами и блеснуть экипажами и лошадьми. Сделать это было очень легко, имея в своем распоряжении бутылку. Кокуа была смелее Кива и обращалась к дьяволу за долларами, когда вздумается. В городе их скоро заметили, благодаря их образу жизни, и иностранцы из Гавайи, их верховые лошади и экипажи, прекрасные холоду и богатые ожерелья Кокуа стали предметом разговоров.

Они очень скоро освоились с таитским языком, действительно похожим на гавайский, с изменением некоторых букв, и, научившись свободно владеть им, начали предлагать бутылку. Вы понимаете, что предлагать было нелегко; нелегко было убедить людей, что вы говорите серьезно, предлагая за четыре сантима источник здоровья неистощимого богатства. Необходимо было, кроме того, объяснить опасность. В общем люди или не верили и смеялись, или видели только темную сторону, серьезно хмурились и убегали от Кива и от Кокуа, как от лиц, водившихся с дьяволом. Они заметили, что их избегают в городе. Дети с визгом убегали от них, – вещь невыносимая для Кокуа, – католики крестились, когда проходили мимо, словом, все единодушно отделялись от их разговоров.

На них напало уныние. Они сидели по вечерам в своем новом доме и не обменивались ни единым словом, или же молчание нарушалось внезапными рыданиями Кокуа. Иногда они вместе молились, иногда ставили бутылку на пол и весь вечер наблюдали за движениями тени внутри ее. В такие дни они боялись ложиться спать и долго не могли заснуть. Если один из них вздремнет, то, очнувшись, видит, что другой тихонько плачет в темноте, а то проснется один, другой убежал от соседства бутылки в садик под бананы или побродить при лунном свете по набережной.

Так было раз ночью с Кокуа. Она проснулась, а Кив ушел. Пошупала кровать, его место холодное. Страх напал на нее. Она села. Сквозь ставни пробивался легкий лунный свет. В комнате было светло, и она могла увидеть стоявшую на полу бутылку. На дворе дул сильный ветер, деревья громко скрипели в аллее, падающие листья шуршали на веранде. Среди этого шума Кокуа слышала еще звуки – был ли то голос человека или животного, она разобрать не могла, – печальные как смерть, и они уязвили ее до самой глубины души. Она осторожно встала, распахнула дверь и выглянула в освещенный луною двор. Там под бананами лежал лицом вниз Кив, лежал и выл.

Первою мыслью Кокуа было подбежать и утешить его, но вторая мысль удержала ее. Кив вел себя по отношению к жене как честный человек, как молодец, и ей не следовало в час слабости обращать внимание и конфузить его. Эта мысль побудила ее вернуться домой.

– О, небо, как беспечна, как слаба я была, – думала она. – Гибель грозит ему, а не мне, он, а не я, взял проклятие на душу. Ради меня, ради такого недостойного существа он так близко видит теперь пламя ада и чувствует дым его, лежа там на ветру при лунном свете. Неужели я так глупа, что до сих пор не догадалась о своем долге или видела и отворачивалась? Теперь наконец заберу свою душу в руки любви, прошусь с белыми ступенями неба и ожидающими меня лицами друзей... Любовь за любовь! Пусть и моя любовь сравнится с любовью Кива! Душу за душу! Пусть гибнет моя душа!

Она была женщина ловкая и оделась очень быстро; затем взяла разменную монету (они всегда имели при себе драгоценные сантимы, так как монета эта употребляется редко, и они запаслись ею в правительственном учреждении). Когда она вошла в аллею, ветер нагнал тучи и луна скрылась. Город спал, и она не знала, куда бы ей повернуть, не знала, пока не услышала чей-то кашель в тени деревьев.

– Зачем вы здесь, старичок, в такую холодную ночь? – спросила Кокуа.

Старик едва мог говорить от кашля. Из слов его она поняла, что он стар, беден и на острове чужой.

– Не окажете ли вы мне услугу? – сказала Кокуа. – Как человек посторонний, как старик, не можете ли вы дочери Гавайи?

– А, так вы-то и есть колдунья с восьми островов! – сказал старик. – Вам хочется смутить даже мою старую душу? Но я слышал о вас и презираю ваше беззаконие.

– Сядьте и позвольте мне рассказать вам одну историю, – сказала Кокуа. И она передала ему историю Кива от начала до конца. – Я – его жена, которую он купил за спасение души своей, – продолжала она. – Что мне делать? Если я пойду к нему сама и предложу купить

бутылку, он откажет; но если придете вы, он с удовольствием продаст. Я подожду вас здесь. Вы купите ее за четыре сантима, а я перекуплю у вас за три. Господь подкрепит бедную девушку!

– Если вы обманываете, я думаю, Бог поразит вас смертью, – сказал старик.

– Поразит, поразит, будьте уверены! – воскликнула Кокуа. – Я не могу обмануть, Бог не потерпит этого!

– Давайте мне четыре сантима и ждите меня здесь, – сказал старик.

Когда Кокуа осталась одна на улице, сердце ее замерло. Ветер ревел между деревьями и казался ей шумом адского пламени. Тени толпились при свете уличных фонарей и казались ей хватающими руками дьяволов. Если бы у нее хватило силы, она убежала бы; если бы хватило голоса, закричала бы, но она не могла сделать ни того ни другого и стояла в аллее, дрожа как испуганный ребенок.

Потом она увидела старика, возвращавшегося с бутылкой в руках.

– Я исполнил вашу просьбу, – сказал он. – Мужа вашего я оставил плачущим, как дитя. Сегодня он будет сладко спать.

Он подал ей бутылку.

– Прежде чем отдадите ее мне, – вздохнула Кокуа, – воспользуйтесь ею и потребуйте, чтобы она избавила вас от кашля.

– Я уже старик и слишком близок к могиле, чтобы пользоваться милостью дьявола, – возразил тот. – Что это значит? Почему вы не берете бутылки? Вы колеблетесь?

– Не колеблюсь, но чувствую слабость. Подождите минутку. Рука не слушается, тело отстраняется от проклятой вещи, – сказала Кокуа. – Одну минуточку только!

Старик ласково посмотрел на Кокуа.

– Бедное дитя! – сказал он. – Вы боитесь. Вы предчувствуете несчастье... Ну, пусть бутылка останется у меня. Я уже старик и на этом свете счастлив быть не могу, а относительно будущего...

– Дайте ее мне! – перебила, задыхаясь, Кокуа. – Вот деньги. Неужели вы считаете меня такую низкою? Дайте бутылку!

– Да благословит вас Бог, дитя! – сказал старик.

Кокуа спрятала бутылку под холоку, простилась со стариком и пошла по аллее, куда глаза глядят. Для нее теперь все дороги были равны: все вели в ад. Иногда она шла тихо, иногда бежала, то громко вскрикивала, то ложилась у дороги и плакала. Ей припомнилось все, что она слышала об аде, и она чужая дым, видела, как морщилось на углях ее тело.

Под утро она пришла в себя и вернулась домой. Старик сказал правду: Кив спал как ребенок. Кокуа стояла и смотрела на него.

– Теперь, муженек, твой черед спать, – сказала она, – твой черед будет смеяться и петь, когда проснешься. А бедная Кокуа... увы, не будет больше ни спать, ни петь, ни наслаждаться ни на земле, ни в раю!

Она легла рядом с ним на кровать, и горе ее было так сильно, что она моментально впала в глубокий сон.

Поздно утром муж разбудил ее и сообщил приятную новость. Он словно поглупел от восторга, так как не обратил внимания на ее скорбь, как ни плохо она скрывала ее. Слова застревали у нее в горле; все равно, Кив говорил за нее. Она не съела ни кусочка, но кто заметил это? Кив очистил все блюдо. Кокуа смотрела и слушала его как во сне. По временам она забывалась и проводила рукою по лбу. Ей казалось чудовищным сознавать себя обреченною на гибель и слышать болтовню мужа. Кив все время ел, разговаривал, назначил время возвращения, благодарил ее за спасение, ласкал, называл своей верной помощницей и посмеивался над стариком, который был так глуп, что купил бутылку.

– На вид казался почтенным стариком, но по наружности судить нельзя, – говорил Кив. – И на что старому негодяю понадобилась бутылка?

– У него могла быть хорошая цель, муженек, – сказала скромно Кокуа.

Кив засмеялся, как рассердившийся человек.

– Чепуха! Говорят тебе, старый плут и старый осел! – крикнул Кив. – И за четыре-то сантима трудно было продать бутылку, а за три будет почти невозможно. Пространство не особенно-то велико, вещь начинает припахивать паленым... Брр! – вздрогнул он. – Я сам, правда, купил ее за один цент, не зная, что есть более мелкие монеты. Я одурел от страдания, а другого такого дурака не найдется, и бутылка останется до конца у того, кто купил ее!

– О, не ужасно ли спастись самому путем вечной гибели другого? – сказала Кокуа. – Мне кажется, что я не могла бы смеяться. Меня это тревожило бы. Я была бы полна тоски и молилась бы за бедного обладателя бутылки.

Кив, сознавая ее правоту, рассердился еще больше.

– Скажите пожалуйста! – воскликнул он. – Можешь тосковать, если желаешь! Так не поступила бы хорошая жена. Ты постыдилась бы говорить это, если бы сколько-нибудь думала обо мне!

С этими словами он вышел, и Кокуа осталась одна.

Был ли у нее какой-нибудь шанс продать бутылку за два сантима?

Она не предвидела никакого; а если и был, то муж торопил ее отъезд в местность, где нет монеты ниже цента. А теперь? На другое утро ее самопожертвования муж бранит и покидает ее!

Она не пыталась даже воспользоваться временем, предоставленным в ее распоряжение, а осталась дома, вынула бутылку, с ужасом осмотрела ее и с отвращением убрала с глаз долой.

Кив, между тем, вернулся и предложил ей прокатиться.

– Мне, муженек, нездоровится, – сказала она. – Тяжело на душе... Извини меня, я не могу веселиться.

Тут Кив ужасно разозлился на нее, предполагая, что она скучает из-за старика, и на себя, потому что он чувствовал, что она права, и стыдился своего счастья.

– Так вот твоя верность! Так-то ты любишь! – воскликнул он. – Муж твой только что спасся от гибели, которой он подвергся из любви к тебе, а ты не можешь радоваться! У тебя бесчестное сердце, Кокуа!

Он ушел взбешенный и целый день бродил по городу, встретил приятелей, пил с ними, потом они наняли карету, поехали за город и там опять пили. Кив все время был в дурном расположении духа, потому что он таким образом проводил время, а жена скучала, и потому еще, что в душе он сознавал, что она более права, чем он, и сознание это побуждало его пить еще больше.

С ним вместе пил один грубый старик-гаол. Он был шкипером китоловного судна, дезертировал, работал в рудниках и был приговорен к тюремному заключению. У него была низкая душа и злой язык. Он сам любил пить, любил когда другие пьют, и заставлял пить Кива. Скоро денег в компании не оказалось.

– Послушайте, вас считают богачом, – сказал шкипер Киву. – У вас есть там бутылка, что ли, или другая какая-то глупость.

– Да, я богат, – ответил Кив. – Я пойду домой и добуду деньжонок у жены. Она их хранит у себя.

– Это, приятель, плохо, – сказал шкипер. – Никогда не доверяйте долларов юбке. Все они фальшивы как вода. Приглядывайте за нею!

Его слова запали в душу Кива, потому что он ошалел от выпитого вина.

– Я действительно не удивлюсь, если она окажется фальшивой, – подумал он. – Иначе отчего бы ей было падать духом при моем освобождении. Но я ей покажу, что я не такой человек, которого можно одурачить. Я поймаю ее на месте преступления.

И вот, вернувшись в город, Кив попросил шкипера подождать его на углу у старой тюрьмы, а сам пошел один по аллее к дому. Стемнело. Дом был освещен внутри, но не слышно было ни звука. Кив пробрался осторожно к заднему крыльцу, открыл тихонько дверь и заглянул в комнату.

Кокуа сидела на полу. Рядом с нею стояла лампа, а перед нею молочно-белая пузатая бутылка с длинным горлышком. Глядя на нее, Кокуа ломала руки.

Долго стоял Кив у порога и смотрел на жену. Сначала он ошалел, затем на него напал ужас, что торг не удался, и бутылка вернулась к нему, как вернулась в Сан-Франциско. Ноги у него подкосились, винные пары исчезли из головы, как исчезает утром туман над рекой. Затем ему пришла в голову другая мысль, такая странная, что у него вспыхнули щеки.

«Надо удостовериться», – подумал он.

Он затворил дверь, снова тихонько обошел угол дома, затем шумно открыл дверь, бутылки уже не было, а Кокуа сидела на стуле и вскочила, как бы очнувшись от сна.

– Я целый день пил и веселился, – сказал Кив. – Я был в обществе добрых приятелей и теперь только вернулся за деньгами и опять отправлюсь кутить и пировать с ними.

Его лицо и голос были суровы как приговор, но Кокуа была слишком взволнована, чтоб заметить это.

– Ты хорошо делаешь, что пользуешься своей собственностью, – сказала она дрогнувшим голосом.

– О, я всегда и во всем поступаю хорошо, – ответил Кив, подошел к ящику и вынул деньги. Кроме того, он заглянул в тот угол, где он хранил бутылку, ее там не было.

Вдруг ящик швырнуло на пол, как морскую волну, комната завертелась вокруг него, как облако дыма, потому что он понял, что погиб, что выхода больше нет.

«Этого-то я и боялся, – подумал он. – Бутылку купила она!»

Он понемногу пришел в себя и встал, но пот струился по его лицу обильный как дождь и холодный как ключевая вода.

– Кокуа, – сказал он, – я говорил тебе сегодня, какая беда случилась со мною. Я вернусь к своим веселым товарищам, – он при этом спокойно улыбнулся. – Мне доставит большее удовольствие чарка вина, если ты простишь меня.

Она обняла его колени и поцеловала их, обливаясь слезами.

– О, – воскликнула она, – я просила только ласкового слова!

– Не будем больше думать жестоко друг о друге, – сказал Кив и ушел из дома.

Из денег Кив взял только несколько сантимов, положенных им в ящик в день приезда. Очевидно, у него и в мыслях не было пить. Жена отдала за него душу, теперь он должен отдать за нее свою душу, больше он ни о чем думать не мог.

Шкипер ждал его у угла старой тюрьмы.

– Бутылка у жены, – сказал Кив, – и если вы мне не поможете добыть ее, то сегодня у нас не будет ни денег, ни спиртных напитков.

– Не хотите ли вы сказать, что относитесь серьезно к этой бутылке? – спросил шкипер.

– Вот фонарь, – ответил Кив. – Такой ли у меня вид, что я шучу?

– Это верно. Вы серьезны как привидение, – сказал шкипер.

– Ну, так вот вам два сантима, – сказал Кив, – ступайте к моей жене и предложите ей эти два сантима за бутылку, которую (если я не ошибаюсь) она сейчас же вам отдаст. Принесите ее сюда, и я куплю ее у вас за один сантим, потому что для бутылки существует закон: ее следует всегда продавать за меньшую сумму. Что бы вы ни делали, не говорите ей ни слова о том, что пришли от меня.

– Не дурачите ли вы меня, приятель? – спросил шкипер.

– Вам это не повредит, если бы я и дурачил, – возразил Кив.

– Это так, товарищ, – согласился шкипер.

– А если сомневаетесь, можете попробовать, – добавил Кив. – Как только выйдете из дома, пожелайте иметь полный карман денег или бутылку лучшего рома, или что вам вздумается, и вы увидите достоинство этой вещи.

– Отлично, канака, – сказал шкипер, – я попробую; но если вы сыграли со мною шутку, так я тоже потешусь над вами.

Китолов пошел по аллее, а Кив стоял и ждал почти на том же самом месте, где ждала накануне ночью Кокуа; только Кив был решительнее и никогда не отказывался от своей цели, хотя его душа была полна горького отчаяния.

Долго, казалось, пришлось ему ждать, пока он не услышал голос, распеваящий в темной аллее. Он знал, что это голос шкипера; странным казалось только, что он так внезапно опьянел.

Вслед за этим и сам шкипер подошел, спотыкаясь, к фонарю. Дьявольская бутылка была у него в сюртуке; другую бутылку он держал в руке и, подходя, поднес ее ко рту и выпил.

– Она у вас, я вижу, – ответил Кив.

– Руки долой! – крикнул шкипер, отскакивая назад. – Подойди на шаг ко мне, и я тебе заткну глотку! Ты думал, что я тебе позволю моими руками жар загребать?

– Что вы этим хотите сказать? – спросил Кив.

– Что? Я хотел сказать, что бутылка эта штука хорошая, вот что! – крикнул шкипер. – Понять не могу, как это я добыл ее за два сантима; но уж вы-то ее за один сантим не получите, в этом я уверен.

– Вы хотите сказать, что не желаете продать ее? – спросил, задыхаясь, Кив.

– Не желаю, сударь! А рому вам выпить дам, если хотите, – сказал шкипер.

– Говорят вам, что человек, у которого находится эта бутылка, идет в ад, – сказал Кив.

– Я во всяком случае попаду туда, я полагаю, – возразил моряк, – а эта бутылка самая лучшая штука, из-за какой только я мог бы туда попасть. Нет, сударь, – воскликнул он снова, – теперь эта бутылка моя, а вы можете отправиться выживать себе другую!

– Неужели это правда? – воскликнул Кив. – Ради вас лично, умоляю, продайте ее мне!

– Я не придаю значения вашим словам, – возразил шкипер. – Вы считали меня дураком, а теперь видите, что я не дурак, ну и кончено! Коли не хотите сделать глоток рому, так я сам хлебну. За ваше здоровье! И покойной ночи!

И он пошел по аллее по направлению к городу, и, таким образом, закончился рассказ о бутылке.

Кив побежал к Кокуа легкий как ветер. Велика была в ту ночь их радость и велико было с тех пор спокойствие, царившее до конца дней в «блестящем доме».